

ОКСАНА ЛАРИНА-ЗАРИТОВСКАЯ

БЮДЖЕТНЫЙ
ОТДЫХ

18+

Оксана Евгеньевна Ларина

Бюджетный отдых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36309024

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-11854-6

Аннотация

Наша героиня едет отдыхать к морю почти без денег, не озаботившись даже толком о том, где она будет жить. Она уверена, что её жизнелюбие, оптимизм и природная смекалка помогут ей выкрутиться из любых передряг, которые, как она считает – притягиваются к ней, как магнитом. Правда, потом выяснится, что приключения тоже быстро приедаются, а «бюджетный отдых» – весьма недешёвое мероприятие... © Редактор, автор обложки и художник Стрыжаков Н. В. 2017

Содержание

Часть первая	4
Часть вторая	9
Сенька	11
Ясна	13
Ева	15
Алиса	16
Часть третья	22
Часть четвёртая	31
Часть пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Часть первая

Предисловие

Доброго времени суток, любимые, дорогие, желанные, добросердечные мои читатели и почитатели, единомышленники и наблюдатели...

Хочется добавить ещё: здоровья, счастья, добрых лет, но это уже будет «масло масляное».

Но кто мне может запретить перемаслить кашу?

Да – никто! Главное, потом на ней не поскользнуться...

Приветствие оказалось затянутым...

Коротенько – суть: речь пойдёт о моём первом самостоятельном путешествии.

«Это – ерунда!», – скажете вы, и окажетесь совершенно неправы.

Я принадлежу к тому редкому сорту людей, которым не нужно никуда отправляться за приключениями. Они – эти приключения! – сами поджидают меня на каждом шагу. Десятиминутная прогулка пешком дарит мне такое количество событий, которые просто не умещаются в голове обычного гражданина. Поэтому всякий раз меня искренне открыто приветствуют и ждут нового весёлого рассказа, который наверняка случился со мной по дороге.

А ещё я умею рассказывать, и так вкусно, что от меня – не подумайте лишнего, только от моего рассказа! – невозможно оторваться, как от праздничного торта. Иногда даже хочется ладошкой аккуратненько поправить отвисшую нижнюю челюсть слушателя. А если слушатель мужчина – то ещё и подтереть по-матерински слюнки, поскольку мужчинам не столько интересно, о чём я говорю, сколько – как именно я это делаю.

Стоит на секунду ослабить контакт «глаза в глаза», как взор слушателя тут же перескакивает на губы, потом – на грудь, а потом – бегают туда-сюда до тех пор, пока не вынуждает меня сделать излишне длинную паузу. Затем, глупо улыбаясь, они – мужчины – дают понять, что целиком – внимание.

Иногда слушатели-мужчины делают сосредоточенное лицо или скрещивают на груди руки, но спустя пару секунд не выдерживают и со словами: «Какая же ты весёлая!..», – стараются – зачем-то?! – потрогать меня хотя бы за плечо или руку. Я думаю, что так они жаждут убедиться, что я – не голограмма.

Если это происходит в присутствии другой женщины, то я начинаю чувствовать себя неловко – как идиотка стриптизёрша-любительница – и начинаю отпускать глупые шуточки, говоря разные бабьи глупости, которые от меня и ждёт женщина... Наверное...

Но если рядом нет женщины – которую может обидеть

такое внимание именно к моей персоне – я могу выдавать такие сногсшибательные «бесфальклёрные» пируэты, что мужчина начинает вести себя вполне нормально и уже способен разглядеть во мне человека с мозгами, а не кусок нарядного мяса, только... При том условии, что он сам – не идиот.

Если кто не знает, то я работаю продавцом в магазине верхней одежды. Уверю вас: ни один знаток человеческой психологии «рядом не лежал» – не стоял, не висел... – с настоящим продавцом.

Здесь вам в одном флаконе всё: и серые клеточки, и дедуктивный метод, и фотоанализ, и вербальная с невербальной психологии, и телепатия, и гипноз... Добавьте к этому технолога-модельера, технолога-химика, выпускника школы искусств, лингвиста русских речевых оборотов, знатока брендовых коллекций, и... Знание политических партий, налоговых законодательств, правил «закона защита потребителя», курса гигиенического обучения, а ещё...

Много-много других старых знаний – как и в современной интерпретации – обязательны.

Одна моя, назовём её «коллега», совершенно искренне расстроилась – когда речь зашла о только ей одной известных числах отпуска – что я не умею читать мысли. Она так и сказала: «Жалко, Оксана Евгеньевна, что Вы мысли читать не можете. Я так надеялась пойти в отпуск с 1 августа, хотя и написала в заявлении с 15 июня...».

Теперь я повышаю свою квалификацию простого Российского Продавца и учусь читать мысли коллег.

Вернёмся к слушателям. Речь о Женщинах. Им нравится. Особенно посторонним. Они вдохновляются после разговоров со мной, веселятся, окунаются в детство. Они примеряют мои приключения на себя, и им от этого хорошо. Я это вижу – уже немножко умею читать мысли. Они, в отличие от мужчин, не смотрят на меня как на свадебный торт. Им тоже нравятся губы – и они спрашивают про помаду; грудь – и возникают вопросы про лифчик; они смотрят на серьги и браслеты и заморожено следят за движениями бровей или рук. Они всегда смотрят мне вслед и всегда сочиняют обо мне сплетни – додумывая, приукрашивая, осуждая или завидуя.

Мне всё равно. Я такая родилась, живу с этим и буду жить дальше.

В моём окружении есть прекрасные, умные, добросердечные, заботливые люди, которые искренне любят меня и рады мне не потому, что я могу их одарить, так как не одарят их близкие, не потому, что я могу спасти любую прокисшую вечеринку или решить их загноившуюся семейную проблему.

Они просто любят меня за то, что я есть. Грустная или смешная, нарядная или рохля, здоровая или когда болею...

Я сейчас говорю им всем: «Я вас люблю и очень дорожу вашими добрыми чувствами ко мне...».

Это такое длинное предисловие я написала к сочинению, которое называется «Бюджетный отдых». Две недели – с 3 июля по 16 июля.

Но столько всего разного произошло за это время, что некоторым для этого не хватит и жизни.

Я уже несколько раз рассказывала устно эти события, сокращая детали, что-то комкая...

Но ещё много моих друзей захотят узнать о них. У них будут возникать вопросы...

Поэтому я и решила всё записать.

Часть вторая

Обстоятельства

Дома у меня на летний период поселилась дочь со своими «птенцами».

Они приехали из промозглого Питера в самый грязный город России – Липецк, чтобы сэкономить. Если бы погода выдалась сухая, то они бы поселились в деревне, но так как лето выдалось дождливое и холодное – всем пришлось тесниться в квартире, что привело к обострению внутрисемейных конфликтов на всех известных фронтах.

Я, как существо чистой воды и тонкой душевной организации, слегла с нервным срывом. Да и было с чего слечь.

На шестидесяти трёх метрах поселились – кроме нас с сыном и старой собакой – ещё четыре креативных разновозрастных человека. Пятый – зять – обещал подъехать позже.

Они – зять – в Каннах работают. Но так как работу вовремя не подвезли, то они – зять – всё время звонят дочери, рассказывая о том, что сидят без дела – читай: без зарплаты – уже целый месяц, матерят на чём свет стоит кризис и сокрушаются, что устали от Лазурного берега, моря и Франции. Но домой не спешат.

Стоит подробно остановиться на тех четырёх жильцах, ко-

торые нарушили наш патриархальный покой. Начнём с мелких.

Сенька

Осознанно видит нас впервые в жизни, поэтому от дочери отодрать его невозможно. В два с половиной года сосёт грудь, носит памперсы и для порядка периодически орёт громче Иерихонской трубы. Особенно, если обнаруживает, что мамаша исчезла из зоны видимости.

Однажды он, не снижая децибел, орал непрерывно почти час, отмотав всем руки и надломив психику, перечисляя на своём наречии какие-то свои внутренние страдания. Мы всерьёз опасались, что соседи позвонят в отдел ювенальной юстиции и сообщат туда о том, что в квартире по соседству в ребёнка тычут вилкой.

Но Арсений далеко не дурак – как и, впрочем, все мои дети и внуки – это у него такой способ манипулирования взрослыми. Шумный, но действенный.

Целый час его носили на руках, доставали и включали запрещённые предметы, давали есть и пить, что обычно детям ограничивают. Он всё принимал, но в ответ лишь немного снижал децибелы. С приходом дочери мгновенно всё закончилось.

Нужно добавить, что Сенька очень быстро освоился. Пугающего его вначале старого Бреда теперь при всяком удобном случае пытался схватить за чресла или оседлать. За что получал поджопки. Но по глазам Арсения было видно, что

просто так он от этого дела не отступится, и что Бред ему очень понравился.

Алисе вдруг приспичило отучать его от памперсов. Сенька тут же принялся «лить и валить» где вздумается. Особенно нравилось ему «лить» в миску Бреда с водой. Бред тоже в долгу не остался, хотя, наверное, не только Сенька тому виной... Видимо, его просто так допекли все наши родственники – которые «хаотировали» по квартире туда-сюда: кто с печенькой, кто с сосиской, при этом игнорируя его как старейшину – что он тоже принялся «лить» по-собачьи: метить территорию, давая тем самым понять, что его уже все достали. А если старый пёс начал отливать дома, то тем, кто не знает, нужно заметить – это сродни химической атаке.

Мимоходом стоит заметить, что все описываемые и «описанные» события происходят холодным сырым летом, когда всё очень медленно сохнет, а ещё и в отсутствие горячей воды. Поскольку все в стране знают о ежемесячном отключении воды летом.

Сенька об отключении воды не знал и писал везде. Пришлось выбросить пару подушек и одно испорченное одеяло. Любовно подобранные коллекционные обои повисли лохмотьями в тех местах, где ему удалось их подковырнуть. На некоторых появились тайные письма...

Я его понимаю. Он прогибает окружающий мир под себя...

Ясна

Четыре с половиной, но девушка уже с воображением.

Прекрасно абстрагируется от ситуаций. Имеет кучу выдуманных друзей, потому что брата и сестры ей мало.

Она кружится как фея, пасёт стада воображаемых коровок, смотрит фильмы про «киндер-сюрпризы» и «фиксиков», но так, чтобы слышно было сразу во всех комнатах, если вдруг ей надо куда отлучиться на секундочку. Куда? Да хоть бы куда!

Очень счастливая девочка.

Она обожает своего брата. И когда тот орёт – она принимает самое активное участие в утешении.

Но Ясна – ещё и очень умная девочка. Поэтому она когда-то давно смекнула, что горлом можно взять всё что хочешь. И стала пользоваться этим способом на всех законных основаниях. Только один факт не учла: Сенька не умеет нормально говорить и блажит до тех пор, требуя не пойми что, пока это не надоест именно ему.

А Ясна говорить умеет прекрасно. И в красках, и в подробностях всегда может описать причину ора. Поэтому её «концерты» обычно громкие, но короткие.

Она тоже полюбила Бреда всей душой и, включив воображение, тоже представила его конём. Только – другим. Если у Сеньки Бред – необъезженный мустанг, то у Ясны он –

скакун принцессы. Она вяжет ему банты и попоны. Она так развлекается.

И я её понимаю – растёт...

Ева

Ева подросла. Ей уже полных десять лет.

Ева очень красивая, бесконечно добрая и очень быстрая. Ева быстро делает всё: говорит, принимает решения, убирается, сорит, готовит, рисует...

Ум у Евы не такой острый, как у Ясны. Все занятия, которые требуют терпения и времени, ей претят. Читать она путём так и не научилась.

А зачем, скажите пожалуйста, красивой женщине ум?

Вот считает она очень хорошо. И врёт. Не фантазирует, а именно – врёт. Да так качественно, что только позавидовать можно.

Еве повезло. Она не боится пасмурной погоды в деревне, и уехала с кузиной на свежие яйца, молоко, клубнику и густой деревенский воздух к другой бабушке. И Алиса – это моя дочь – осталась без рук. Это Ева быстро меняла памперсы, прибиралась, купала малышку, наводила какао с печеньками, играла, успокаивала и выполняла всю работу по дому в Питере. Ещё и в школу с двумя языками успевала, и в театральную студию.

И я её понимаю, и рада за неё...

Алиса

Моя дочь – от первого брака.

Светлейший аналитический ум, медицинское образование и тонкую красоту тургеневской барышни она положила на Алтарь Материнства и Православия. Пока орут дети – она читает псалмы.

Она спокойна, как удав. И имеет – как у удава! – железную хватку. Если Алиса чего захочет, она выдавит это из жизни, как пасту из тубика. Но любимое её занятие – манипулирование людьми, осталось в недалёком прошлом.

Так как мной манипулировать трудно, то у нас периодически возникают стычки. Только теперь после каждой стычки она – как прилежная христианка – опустив глаза, произносит: «Прости меня, пожалуйста!».

Ночные часы, положенные для отдыха, она отводит богоугодному чтению, а полдня дрыхнет, как обкуренный таракан.

И я её понимаю...

Правда, прежде сводила к знакомому доктору...

Приходится жить на работе, но это имеет и положительную сторону: увольнение продавцов увеличило продажи и сократило расходы.

Магазин спасает меня от неврозов. На «оккупированной территории» остаётся только бедный Бред.

Вечером, уставшие, мы возвращаемся в разорённое – такое уютное недавно! – гнёздышко. На правах хозяев и из родительской любви мы убираем, затем – готовим, затем – кормим, затем... Падаем в единственной оставшейся нетронутой комнате.

В результате долгих переговоров я отстояла право суверенности личного пространства. Остальная территория квартиры подвергается ежедневно Мамаеву нашествию.

Бред стал писать с завидной периодичностью. Как по расписанию. Выводи его или нет

– у него всегда в запасе есть лужица, которую он может плеснуть в ответ «оккупантам». И я его понимаю. Хотя и не разделяю подобные методы.

Потом у дочки заболел зуб. У неё всегда болят зубы, когда они у нас в гостях. Мои знакомые даже называют её «Зубная Фея», ну почему зубная – и так ясно, а почему фея? Потому что она такая тоненькая и прозрачная, какими бывают только феи. Но если сказочная фея нарожает столько детей, то у неё тоже разрушатся зубы, даже если они – волшебные. Особенно если она – фея Пистимея, которая соблюдает все посты культа.

Сначала зуб пытались бюджетно лечить по провинциальному благу в социальной поликлинике с помощью мышьяка. Мышьяк и безалаберность прикончили зуб вконец.

Скупой платит дважды, а в нашем случае – трижды. Плат-

ный доктор попробовал полечить его за деньги, но лечить было уже нечего, и зуб – и опять за деньги! – удалили. Естественно, щека распухла!

Вы представить себе не можете, как болит душа за такую тоненькую, маленькую, измученную малышами, бытовой неустроенностью, милую белокурую девочку, которая взвалила на себя тяжёлую ношу и теперь ищет спасения у Бога. Потому, что муж – от неё сейчас далеко; потому, что она не может до сих пор простить мне развода с её отцом; потому, что она запуталась во взрослой и такой непростой жизни; потому, что финансовый кризис ограничил мою помощь, а она не знает что делать; потому, что дети ещё очень маленькие...

Она бы с удовольствием – на правах обыкновенной женщины – рожала бы детей, которых не рожают женщины-карьеристки. Но, имея троих в двадцать восемь, она понимает, что дети – это не милые пупсики. Им нужно отдавать всю себя, всю оставшуюся жизнь. И она осознаёт: в каком опасном обществе мы живём в это тёмное время. Изо всех сил, которые доступны ей, она тянется к Свету.

Я сейчас плачу. Потому что прекрасно понимаю все обстоятельства, но не в моей власти что-либо изменить. Мы можем ссориться, мириться, тесниться, спорить, но мы – родные люди. Мы – семья. И всегда будем помогать друг другу.

Всё! Нос вытерла. Продолжаем дальше...

Я вижу её опухшую щеку.

– Девочка моя! Иди ко мне. Я тебя пожалею, – говорю я как маленькой Алисе.

И она обнимает меня, и плачет от боли и усталости. Я целую щеку и продолжаю:

– У кошки – заболи, у собаки – заболи, у Алисы – подживи!

– Мама! Прекрати эти свои языческие ритуалы! И ко мне, и к моим детям их не применяй! – злится дочка.

Да-с...

Поскольку Алисе назначили несовместимые с кормлением грудью антибиотики, то пришлось отучать Сеньку ещё и от груди. Ночного ора добавилось. Но языческий способ – «горчица на грудь и куриные сочные котлетки» – быстро всё расставили по местам.

Я устала и больше не спору. Зачем?

У неё – своя жизнь, у внучат тоже будут свои...

Я не могу вложить им свой ум и мудрость, не могу что-то сделать за них. Но я всегда буду внимательно следить со стороны за тем, «чем они дышат».

Работу и кредитное бремя никто не отменял. Но если я заболела – читай: выключусь, то за сезон мы ничего не зарабатываем, и придётся продавать квартиру. Я же – не Греция. Со мной церемониться никто не будет.

Я уже начала чувствовать первые ласточки отключения жизнеобеспечения. Чаше стали приходиться бессонные ночи и нервные срывы. Но-шпу и аспирин разбавили снотворные.

И мне стало страшно...

Мне стало стыдно за то, что я – такая слабая дрянь: не могу выдержать простые человеческие нагрузки.

И тогда я стала плакать...

Да...

Я плачу от стыда перед близкими, как будто я не смогла защитить их покой.

Я умоляла мужа поехать хотя бы на неделю к морю, но он не соглашался, понимая и разделяя заботы и расходы. В один из безнадежных вечеров Игорь сказал: «Поезжай одна! Я присмотрю за Бредом и помогу Алисе. Да и денег на поездку для двоих нет. Тебя давно зовут в гости подружки. Езжай на две недели, а то «сдуешься» к сезону...».

Я понимала, что всё это – отговорки...

Бреда Игорь хоронит уже который год и обвиняет его в поддельности. Наш английский бульдог пережил всех собак-ровесников в доме. Ему тринадцатый год. При том, что бульдоги живут всего шесть-восемь лет. Бывали и кризы, но я его всегда выхаживала. А в это время супруг – как человек-фаталист – искал лопату и мешок. Однажды зимой он так разволновался, что не сможет зарыть Бреда по-человечески, что мы даже поссорились. А на следующий день оживший Бред так качественно «располосовал» нам подушку, что

пришлось её выкинуть. С тех пор я точно знаю, что про Бреда на Небе забыли. Жить он будет столько, сколько захочет сам.

И я согласилась на этот отдых на море. Впервые в жизни на какое-то время я допустила возможность самостоятельной поездки. Хочешь изменить многое – начни с малого...

На сегодня – всё. Не хочу утомлять читателя. Всё написанное – чистая правда, поэтому я включила сочинение в графу «репортаж».

Простите за грусть, но из песни слов не выкинешь.

А впереди...

Много весёлого, интересного, загадочного и даже страшного в моей обычной жизни.

Часть третья

Неизбежность

Хорошо подумав, с какого собственно момента начать повествование о путешествии, я решила не залезать глубоко в дебри, поскольку все удивительные события связаны между собой, а если провести последовательную линию, предшествующих описываемым приключениям, то так потихоньку можно добраться и до момента моего рождения. К такому масштабному писательскому труду я пока не готова. Поэтому я одним махом отсекала все события до 3 июля, до того дня, в который началось моё первое самостоятельное двухнедельное – здесь ключевое слово «бюджетное» – приключение.

Хотя я и взрослая тётка, но с детских лет одна никуда без мужа не ездила. Я не оговорилась: именно с детских лет. Поскольку замуж я вышла по доброй воле в семнадцать лет.

«И кто гнал этого ребёнка в «омут брака?», – спросите вы...

Я люблю отдыхать с мужем. Мы прожили с ним четверть века и не устали друг от друга. Но мир вокруг изменился до неузнаваемости...

Это отступление к тому, что ехать придётся одной. А «бюджетное путешествие» потому, что все предыдущие бы-

ли обыкновенными: пришёл в туристическое агентство, заказал тур, оплатил и лети себе куда хочешь. Денег хватало, но мы и не шикавали особенно. Бассейны с шампанским – совсем не наш стиль.

Теперь же две проблемы перекроили наш семейный бюджет: отсутствие покупательской способности и кредитное бремя. Я с пониманием отношусь к сложившейся ситуации, как в песне поётся: «Грустить с тобой, Земля моя, и праздновать с тобой!». И это – про меня. Я – не нытик. Дай бог здоровья, а остальное купим. Или найдём другой способ. Я и в лес хожу, в котором могут волки быть. И в драку ввязываюсь, а там видно будет.

Вот оттого-то так и богата на события моя жизнь. Учтите ещё и моё богатое воображение. Чего не хватает – придумаем на ходу. Вот так и живём мы с супругом рука об руку, и нам не скучно. Мне – потому, что я по определению нескучная, а ему – потому, что со мной не соскучишься.

Вот, значит, решил мой организм протестовать против засилья «питерских оккупантов» и слёг. А без меня работа встала.

Приходит вечером мой любимый супруг не солоно хлебавши и говорит: «Поезжай-ка ты, дорогая, одна!».

И тут вдруг я понимаю, что я совсем не «против», а очень даже «за». Я сначала обрадовалась, а потом вроде как совесть проснулась, и думаю в обратную: «Игорь устал ещё побольше меня. Я – вон какая безнадёжная оптимистка! А он –

совсем другой. Он и тоньше, и деликатней. Я, если что, хоть матом запулить могу. А уж если он материться начал – всё: почитай, начало конца. Да и вообще мужчины – народ слабый, нежный...».

Порадовалась я, но отказалась.

– Раз на меня деньги найдёшь, то и на себя найдёшь тоже, – говорю ему. – Я экономить на всём буду. Только вместе!

Опять разругались.

Нервы!

Но он меня взял измором. Надел ежовую шкуру и молчит.

Я и так, и эдак... Я-то все его слабые стороны и места знаю, не зря четверть века прожили, но тут...

Вот он мне и говорит:

– Я Алисе помогу. Как я её с умирающим Бредом оставлю? Она ж и с детьми-то не справляется. А вдруг он преставиться решит. А я – рядом. Всё чин-чином.

Ну никак он Бреда не «уговорит». Зато меня уговорил. Согласилась. Я же – добрая душа.

Вы будете смеяться, но некоторые мои приятели меня так и прозывают: «Оксанка-Добрая-Душа», только созвучно это «Иванушке-дурачку». «Оксанка-Добрая-Душа»... «Иванушка-дурачок»... Как ноты. Ладно. Бог с ними. Добрым, да дуракам – на Руси счастье...

Отвлеклась...

Я, «добрая душа», вспомнила про свою хорошую соседку по подъезду по имени Вероника. Она прекрасная и добрая –

в нормальном смысле – женщина. Всегда сокрушалась, что давно не была в отпуске на море. И всякий раз, когда я привозила ей сувениры и истории, просила взять её с собой в другой раз. Я обещала, но никогда не брала.

Мы с Игорем любим ездить только одни. Пару раз пытались поехать с друзьями, но нам не понравилось. Однажды нас сравнили с лебедями, которые не терпят соседей и селятся исключительно на охраняемой ими территории, разоряя при этом другие гнёзда.

«А почему бы и нет?», – подумала я тогда. – «Очень похоже...».

Но вернёмся к Веронике.

Кроме того, что она прекрасный человек, она ещё и «святая» женщина, потому что только святые могут работать на «Российском почтамте» за семь тысяч рублей в месяц с 9–00 до 20–00, поскольку на такую зарплату желающих совсем не много, а объект – стратегический. На этом «секретном объекте» она целыми днями общается с теми районными пенсионерами, которым не хватило талончиков в поликлинике.

В летний период «менее святые» сотрудники почтамта умудряются брать длинные больничные – если не выпал отпуск – и Веронике приходится пахать «за себя и за того парня». Причём – всё за те же семь тысяч в надежде на то, что болезная барышня когда-нибудь, после дождичка в четверг, окажет Вероничке подобную услугу.

Да и за такую мизерную зарплату там никто не держится.

Среди работников «стратегического объекта» такая текучка, что болящие прямо с больничной койки идут на рынок торговать помидорами или арбузами на сезон, за который заработают столько, сколько ответственная Вероничкина работа не принесёт и за год.

Да и арбузы пенсионеры не покупают – тяжёлые. А покупают арбузы всё больше Добрые Молодцы, хоть бы и с детьми. Хоть глаз порадуется.

И в таком режиме моя Вероничка живёт не один год. Я иногда думаю, что она – слегка мазохистка, и таким вот образом отрабатывает какие-то кармические грехи.

Итак – звоню, хотя она и живёт в соседней квартире. Телефонный звонок крайне важен. Говорю бодрым не терпящим отказа голосом – нужно сначала влить елей в уши, а там – пойдёт как по маслу. Ради неё же стараюсь.

– Аллё. Да?

– У тебя когда отпуск? – спрашиваю.

– Ну... Скоро...

– Как скоро? Конкретней.

– Ну, завтра...

«Это – судьба!», – подумала я и продолжила:

– То есть – ты уже в отпуске?

– Ну... Да...

– Ты меня просила взять тебя с собой на море? Говорила, что семь лет на море не была?

– Ну... Говорила...

– Завтра едем с тобой по бюджетной схеме. Без денег. Анапа – плацкарт – частный сектор – подножный корм. Допускается бокал пива на пляже. Один в день.

– Ну, уж это – слишком, – начала связно отвечать Вероничка.

– Как скажешь. Можем разбавить это кукурузой и чурчхелой¹. Ну и парочкой «усатых итальянцев», – вставила я пошленькую шуточку, которая всегда кстати приходится, чтобы запустить разговор в нужное плавное русло.

Теперь можно идти и в лобовую атаку...

Я прихватила заранее запасённое для разговора «Сухое белое» и позвонила ей в дверь. Бледная, высосанная пенсионерами-вампирами Вероничка открыла мне дверь, но всё ещё без особого энтузиазма.

Я разливала вино по бокалам, а сама не переставала трещать:

– Билеты куплю через интернет. Отдашь, когда сможешь. У меня наличных денег совсем нет. Представляешь, как круто! Мы поедем как беспризорники в годы гражданской войны! Ну не совсем, конечно... Да. На море. Без денег. Это в моём безответственно-бесшабашно-авантюрном стиле... Во здравие! Спаси, господи!

Мы сдвинули бокалы. Конечно же чокнулись. Глаза Веронички на секунду вспыхнули забытым синим цветом.

¹ Старинное грузинское национальное лакомство, представляющее собой орехи, нанизанные на нитку и покрытые сверху загустевшим соком. (Прим. автора).

– У меня и купальника нет... – смиренно сказала она.

– У меня есть. Новый. Мне мал. Тебе будет в самый раз, – быстро и коротко ответила я, купальник – это аргумент.

Но я видела, что она ещё колеблется.

Мы прикончили бутылочку, и я пригласила её пойти со мной погулять с Бредом. Это было моей ошибкой.

На улице Вероничка увидела тёток с корзинками, полными дачного урожая. Хмель на воздухе стал быстро выветриваться. Она вспомнила про свой домик в деревне, который спасал её в выходные, и – раззадоренная моим же оптимизмом – вдруг бодро выпалила:

– А поехали ко мне в деревню! Хошь – спи, хошь – дыши! – вспомнила она мои основные желания за последнее время. – И денег совсем не надо! Мы как с тобой одеяльце-то расстелем... Как книжек наберём... Семечек... Поехали, Оксан. А!?

Да-а!..

Говорят же, что надо ковать горячее железо... Были бы билеты – уже б не отвертелась. А ведь я поначалу и впрямь задумалась: а не махнуть ли к ней в деревню? И Игорю спокойнее. И денег совсем не надо платить, да хотя бы и за плацкарт.

– У тебя нет моря, – ответила я, стараясь вложить всю свою тоску и философскую мудрость в интонацию.

– Да... Моря у меня нет... – грустно согласилась подруга.

Домой шли молча. Было грустно расставаться. А ещё было

грустно осознавать, что эта рутина – в которой мы живём – крепче любого болота. А главное, что никто нас не держит. Только мы сами.

Попрощавшись у дверей, мы расстались, а я всё стояла и думала: «Как могла я даже на мгновение предать мечту о море ради того, чтобы сэкономить какие-то крохи?»...

Мне было стыдно: за себя, за правительство, за нищету таких богатых сердец России...

Ночь я почти не спала. Мне непременно хотелось уговорить Игоря поехать и взять Евочку. Мне было стыдно, что я одна буду загорать и купаться, а они останутся здесь, в этом «онкологическом» городе ради того, чтобы сэкономить сумму денег, которую люди оставляют за один вечер в паршивом ресторане Анапы.

Потом я решила не ехать вовсе, так как знала, что Игорь не согласится. И уже когда начало светать, я про себя решила: «Я еду не для праздника. Я еду поправить сильно пошатнувшееся здоровье, которое море вылечит за неделю. Я еду для того, чтобы потом работать больше, чтобы заработать много денег, которых бы нам хватило на поездку вместе...».

Тогда я стала лихорадочно подбирать билеты. Поездов было много, но плацкартных мест почти не было. А билет в купе стоил столько, что можно было при моём денежном раскладе прожить неделю только на разницу в цене.

Первый подходящий поезд был на 3 часа утра. Если мгно-

венно вылететь в окно, то можно было бы успеть...

«Я решила и больше не поверну назад, что бы ни случилось!», – сказала я себе, и только тогда спокойно заснула.

Проспав ещё один поезд в 6 часов утра, я проигнорировала, улыбнувшись, и следующий – на 12 часов дня – хотя он был очень удобный, так как приходил в Анапу днём. И я купила билеты на шесть часов вечера. Это был неудобный рейс, но он позволил неспешно собраться с вещами и мысля

Часть четвёртая

Сборы

– Ты не успеешь на двенадцать часов, – заметил Игорь, когда я сказала, что купила билет на поезд. – Время уже – одиннадцать.

– Успею. Нищему собраться – только подпоясаться. Зато самые дешёвые билеты купила, как ты хотел. Поезд «Владикавказ – Анапа». Сразу окунись в экзотику. «Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное!», – ввернула к месту.

Игорь хорошо знает, что если я начала кидаться цитатами, то во мне забурлил боевой дух, которым я могу и ошпарить.

– Ну что ты кипятишься? Не могу я поехать...

– Кто хочет – ищет возможность, кто не хочет – ищет причину, – продолжала умничать я, набрасывая гору вещей в ощерившийся чемодан.

– А платье леопардовое ты зачем берёшь?

– Как зачем? Я еду отдыхать, так? Буду ходить в рестораны. И поверь мне: деньги для этого совсем не нужны, а вот платье леопардовое и красные туфли просто необходимы. Бюджетная схема. Мужикам очень нравятся хищные принты². Они выглядят вызывающе призывно и говорят пример-

² Принт – это изображение, орнамент или узор, нанесённый печатным способом на ткань при её изго-

но так: «Я – редкая, дикая су... кошка. Рискнёшь почесать меня за ушком? Я тебе помурлычу». А уж я намурлычу! Слюнтяи и жиголо сразу отпадают. Первые струсят, а вторым это не нужно. Они приходят в ресторан, чтобы заработать, а не ради спортивного интереса. Так что останутся самые терпеливые кошачьи укротители.

– Куклачёвы, что ли?

– А хоть бы и Куклачёвы. Там море, воздух свежий, кислород... Всякое может случиться.

– Это вроде: «Знаешь, дорогой! Я не знаю, как так получилось. Я шла, шла... Поскользнулась, а тут... Сучок. А пока я с него слезала, всё и произошло. Да?

Молодец Игорь! Моя школа!

Он прекрасно может поддержать перепалку, но, к сожалению, пока только со мной. Окружающие знают его как деликатного, выдержанного, интеллигентного человека. Так и есть. Но я над этим работаю. И уже кое-что вырисовывается.

– Куклачёв, между прочим, очень на Зюганова похож. Представь, сколько старух будут мне завидовать, – продолжила я.

– О! Точно. Тебе с твоим «помелом» равных бы не было в политике. Королёв – наш губернатор – просто отдыхает по сравнению с тобой. Только, вот незадача! Тебе рядом с трибуной нужно сразу и кровать ставить. У тебя ресурс маленький. Спасть много любишь. А в политике спать некогда. Там

нужно быть всё время на виду. Хотя бы и молча.

– А допели³ на что? Пускай светят мордами, если что, пока я сплю.

– Ты сейчас договоришься, что вообще никуда не поедешь. Опоздаешь!

– А я сейчас и не еду. Я на шесть часов вечера билет взяла. Всё это чемоданное шоу было последней попыткой склонить супруга к совместной поездке, но он мои удары держать умеет. Потерпев фиаско, или, точнее, позволив Игорю выиграть, стерва во мне угомонилась. Билеты я оформила – как говорила ранее – на сайте РЖД, с максимально возможным в плацкарте комфортом: нижняя полка в начале вагона. Уже этому обстоятельству я была рада.

Оптимистка во мне бурлила всюду: «Через сутки с небольшим я окунусь в материнские исцеляющие волны. Раньше, вон, на каретах путешествовали. По месяцу в дороге тряслись, так что прогресс налицо...», – подытожила я и перестала думать о долгой дороге.

День пролетел быстро. Нужно отметить: после целого месяца туч и сырости это был первый жаркий солнечный день. Пекло так, что казалось, что Солнце решило наверстать упущенные возможности. Я обрадовалась, что мои близкие тоже погрееются. Но супруг – реалист-прагматик – выдал оптимистичный прогноз на поездку.

3 В данном случае – двойники. (Прим. автора).

– Вагон раскалился за день на жаре. И завтра до самого вечера по жаре ехать. Другой поезд ты не могла выбрать?

– Отчего же, дорогой. Умеешь ты ободрить и пожелать счастливого пути. Благодарствую.

Вагон был свежевыкрашенный. Приятные молодые проводники оказались умничками– студентами, решившими поработать летом. Они были опрятные, трезвые и вежливые. Я показала им документы, посадочный талон, и мне разрешили войти.

«Не трусь, Оксана! Вперёд!», – сказала я сама себе, а Игорь пихнул меня в спину со словами:

– Ну что застряла? Мы вдвоём ездили, и то у нас чемодан легче был. Что ты туда напихала?

– Там дорогие моему сердцу вещи, милый! – язвительно ответила я, при этом как можно слаще улыбнулась молодому проводнику, перешагивая через пропасть, которая разделала перрон и тамбур вагона.

«Идиот!», – думала я. – «Мне с ними ехать двадцать шесть часов. Должна же я хоть какое-то время вести себя как «прилична мадама». А ты меня уже сразу опростоволосил. Попляшешь ты у меня. Вот не буду тебе звонить и «эсэмэсить» в дороге. Поволнуешься ещё!», – зализывала я рану, поднимая самооценку. – «Застряла! Хм... Как пробка...», – мусолила я обидное слово.

Завтра «Плацкарт» допишу... Простите меня, дорогие

читатели. Хотела в одну главу уместить... Нет... Разобью на две. Очень спать хочу. Я же и работаю ещё. Во-от...

Часть пятая

Плацкарт

Шагнув из тамбура в вагон, я вспомнила странную интонацию проводника, когда он ответил: «Сейчас узнаете!»...

Вот это да!

Воздуха в вагоне не было совсем. Точнее, был какой-то газ с примесью человеческого пота, жжёной резины, прокисшей еды и химикатов.

Со всех сторон – сверху и снизу – лежали полуголые потные люди. Одни спали, другие ели. По всей длине вагона бегали дети, способные самостоятельно перемещаться, и визжали от удовольствия и бесконтрольности. Они были мокрые от жары, духоты и детской «вакханалии». Ангельские кудряшки и «ёжики» взмокли и «с пару» встали дыбом. Щёки их были красные, а тельца – липкие, но в глазах было столько счастья, что я подумала: «Чем я лучше?»...

Духота – самое страшное, что может быть для меня. Я пыталась попробовать дышать местным газом, но и его было очень мало. Недостаток кислорода дарит кошмары во сне. До сна ещё далеко. А кошмар был вокруг. Его можно было даже потрогать.

Вот на такой случай у меня есть бутылочка «Вермута». Мартини теперь не по карману, а тут и бутылка такая же, и

наклейка похожа, и вкус очень даже похож. Я представила, что выдула всё вино в этой духоте, и вспомнила отчего-то управдома Буншу из фильма про Ивана Васильевича, который временно исполнял обязанности царя и, нарезавшись на царской трапезе, требовал отдельного кабинета.

Мозг всегда ищет выход заранее, даже когда мы об этом и не подозреваем.

«Я не слабее всех этих людей. Что ж, раз такие сложились условия, то нужно потерпеть. В конце концов – это всего лишь на одни сутки...», – уговаривала я себя.

Надев маску неприступности, стала искать своё койко-место среди этого бардака. «О! Чудо!», – про себя воскликнула я. Или не так. – «О! Сюрприз!». Моя полка-ложе уже была застелена, но по наблюдавшимся следам недавнего присутствия человека – не для меня.

– Что это я здесь наблюдаю? Это же моё место, – обратилась я к проводнику, который отчего-то решил меня сопроводить, хотя с этим прекрасно справлялся супруг.

Проводник вежливо – что в данном случае было очень правильно – объяснил мне, что поезд идёт уже сутки из Питера, и они позволили маленькой девочке, которая едет впервые в поезде с мамой к морю, спать до моего прихода на моём месте, внизу, так как она очень боится спать на верхней полке. Что очень благодарны за понимание и надеются на то, что я не устрою скандал из-за такого пустяка.

– Да бог с ней. Но я уже здесь и наверх не полезу ни за

что! Это и так – единственная роскошь, которую я могу позволить себе в вашей душегубке. А, кстати, воздух-то где?

– Вагон старый. Кондиционеры не предусмотрены, вентиляция не работает, а окна родители малышей просят не открывать, чтобы дети не простыли.

– Ясно, – сказала я больше самой себе.

А подумала, что это вовсе не вагон, а пароварка Бабы Яги. Раньше у неё была печь в избушке на курьих ножках, а теперь – в свете инноваций – она пользуется пароваркой на колёсах, фирмы РЖД.

Придышавшись и растворившись в плацкартном хаосе, я решила, что «Вермут» подождёт до следующей экстравагантной ситуации. Любимый муж заботливо разместил мои вещи, и мы вышли на перрон.

– Ну и духота! Доедешь, Клуша? – поцеловал он меня в шею.

– Я – не Клуша! Доеду. А ты сиди тут один, как сыч. Как бы сейчас на машинке... Уже бы к Анапе подъезжали. И никакой духоты. Хочешь – едешь, хочешь – остановился... Я бы тебе песни всю дорогу пела. Или ещё как развлекала. Не сомневайся... Ведь не выдержишь без меня, всё равно приедешь – я знаю. Тайно. Ещё и усы с кепкой нацепишь, чтобы последить за мной, – припомнила я ему старые грешки.

– Дура какая! – сказал он ласково, улыбнулся и прижал к себе.

И в этот момент я не хотела ни моря, ни воздуха, ни солн-

ца, потому что и море, и солнце, и воздух сейчас обнимали меня.

– Приезжай, а? Ну, пожалуйста! Мне важно, чтобы ты отдохнул, – упрашивала я его.

– Я справлюсь сам. А ты можешь заболеть.

– Но ты же приедешь?

– Не знаю. Отдыхай.

Тут всем сказали расходиться, и мы расстались. Впервые за 25 лет.

Вагон качнуло, и он плавно покатился по направлению к югу. Мой дом по-прежнему оставался на севере, а «сердце моего дома» удалялось вместе с перроном и махало мне рукой. Я тоже помахала в ответ и отвернулась от окна...

Так!..

Теперь мне предстояли двадцать шесть часов духоты в компании пятидесяти совершенно чужих «голых» людей от мала до велика.

На боковых от меня местах ехали из Питера бабушка с внучкой-«готкой»⁴. Бабушка была ещё молодой и совершенно разумной женщиной лет шестидесяти, а внучка – вообще прелесть. Она подружилась с проводниками-мальчишками и периодически бегала к ним подзаряжать смартфон. Между делом хрустела чипсами и с кем-то переписывалась.

⁴ Молодёжная субкультура «готы» – это относительно новое движение, которому нет ещё и 40 лет. Первые представители «людей в чёрном» появились в Великобритании в 1979-1980 году. (Прим. автора).

«Миленько...», – отметила я для себя и поставила им «плюсик» в своём «блокнотике». – «С этой стороны проблем не будет. Приятное соседство только скрашивает дорогу...».

На полке сверху кто-то спал, а через подобие стола, напротив меня сидела дородная блондинка-«гренадёрша» с красным пористым лицом, и не менее крупная, но молодая прыщавая девушка, видимо, её дочь. Им я поставила сразу жирный «минус», с первого взгляда.

Я переоделась в шёлковую тунику и легла с книгой в перестеленную для меня, постель.

Мамаша и девица смотрели на меня безотрывно – как «дети кукурузы»⁵ – будто собирались меня съесть. Мне это затянувшееся рассматривание надоело, и я решила разрядить обстановку. Чтобы они не смотрели на меня как на еду, я достала яблоки и сказала:

– Меня зовут Оксана. Угощайтесь.

С боковых сидений яблоки приняли и поблагодарили. А «дети кукурузы» переглянулись, молча взяли яблоки, положили их на стол и продолжили меня изучать.

– А где же та малышка, которая боялась спать наверху? – продолжила я разряжать обстановку и налаживать контакт с попутчиками. – Она, наверное, ушла к маме?

– Нет. Это я, – услышала я голос прыщавой девушки.

– А мне говорили, что она маленькая, – я выпалила пер-

⁵ «Дети кукурузы» – американский фильм ужасов, снятый по рассказу Стивена Kinga. Слоган картины – «В их мире взрослым не позволено... жить».

вое, что было на языке.

Но, видимо, недоумение звучало так ярко, что девица-«гренадёрша» добавила:

– Мне – четырнадцать.

Мамаша-«гренадёрша» при этом не проронила ни звука и продолжала меня сверлить взглядом.

Я не нашлась что ответить и, лишь подумав: «Воистину говорят, что в России дураков на сто лет припасено...», – отвернулась с книгой и вскоре заснула.

Через полтора часа я проснулась мокрая как суслик, снова вспомнила про «Вермут», но тут же приказала себе: «Ещё не время!».

Вечерело...

Поезд мерно стучал по рельсам. Накалившийся за день вагон потихонечку начинал остывать, и я решила размяться. А как обычно разминаются в плацкарте, когда нет денег на вагон-ресторан? Правильно – идут в туалет...

Прихватив туалетные принадлежности и полотенце, я отправилась на разведку.

Ужас вагонных туалетов известен всем. Я, наверное, ничем так не брезгую, как посещением российских мест общественного пользования. А в поездах – это вообще не туалет, а какой-то тайный портал перемещения во времени. Узкая кабинка с пьедесталом, на который нужно забираться при постоянной качке, для чего в панели напротив, рядом с зеркалом привинчен поручень. Есть такое шоу «Куб», так вот,

там испытания примерно такие же, как в туалете РЖД. Только пространства побольше. Нормальный средний американец даже и в дверь бы не пролез в таком помещении, не то, что принять там гигиенические процедуры. Так ещё и очередь стоит с самого утра. И постоянно занято. А если вдруг свободно, то – надо или нет! – бежишь на всякий случай, чтобы потом сказать: «А я уже там был!». И чувствуешь себя хитрее, и умнее других пассажиров.

Ну, правда, про американцев – это тема Михаила Задорнова, поэтому рассусоливать её дальше не буду.

Как ни странно, но туалет оказался приличным. Вместо туалетной бумаги висело два рулона обёрточной бумаги времён СССР. То ли с тех пор не израсходовали, то ли у РЖД свои поставщики, производители спецтуалетной бумаги, и она создана такой же крепости и надёжности, как и остальные детали туалетной комнаты. Один рулон – полотенца для рук, другой – для нижней гигиены.

В общем, покорячилась я в этом временном портале немножко. Вода идёт из крана, как в деревне. Надавишь на грязную пупочку, всю изляпанную чужими мыльными руками, а из-под неё выскочит в руку кусочек водички. Как птичка пописала. Вот нужно так изловчиться, чтобы хватило на все гигиенические процедуры. Высший пилотаж: делать это приходится взгромоздившись на пьедестал, одной рукой

держась за поручень вагона, который проходит сложный поворот.

Я не случайно так подробно описываю туалетное помещение вагона. Уже завтра это «помещение» будет единственным местом выживания. Одни пассажиры будут «сражаться» с другими за право сидеть на тумбочке рядом с открытой дверью туалета, потому что только в нём полноценно открывается окно, а напротив, над тумбочкой для мусора есть щель в форточке.

Завтра мы будем ехать по южной территории нашей бескрайней Родины. Вагон накалится сильнее прежнего, а в пути будут всего две остановки, когда можно выйти и отдышаться. Я не преувеличиваю и не приукрашиваю. Это настоящее паломничество людей севера к тёплому морю. А море и солнце – святыни. Шоу должно продолжаться...

Насладившись туалетным романтизмом, я вновь окунулась в атмосферу вагона, и...

О! Чудо!..

Не зря я подумала о портале. Я попала в тот же, но совсем другой вагон. Изменилась атмосфера. «Хаотирование» угомонилось, а вагон наполнился иными ароматами.

Нет-нет!

Это не были ароматы свежего воздуха с примесью озона или парфюмерии. На весь вагон воняло «Ролтонами» и прочими «Дошираками». Усилители запахов и вкусов, вредные и безвредные «Е»-добавки добавили моему путешествию

особый колорит.

И вот ведь зараза какая!

Ведь знаешь, что это не еда, а сплошной яд, но ведь иногда так хочется им отравиться, что у меня потекли слюнки.

Все вокруг лопали эти консерванты: кто хомячил картошечку, кто – лапшу. Стояла очередь за кипятком – ещё одна из возможных вагонных очередей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.